
Сколько шагов до квартиры
Запомнит лестница?
Сколько ворон
На запястьях берёз
Поместится?
Будет ли май
Для ожившего слова
Поприщем
Или опять сквозь весну
Ничего не помнящим?
Или опять безголосо брести
По сырости,
Думая, как
Что-то, кроме молчанья,
Вырастить?

Катя исследует архитектуру храмов:
 Это апсиды, а это портал и прясла,
 Это часовня, а это собор, а это...

В детстве
 Платок постоянно спадал на брови,
 Пахло приятно, а мама сказала: «Ладан».
 За упокой и за здравие, ой, упала,
 Надо расплавить внизу, чтобы вставить прямо,
 Ноги устали, зачем целовать икону,
 Имя? Катюша, с утра не пила-не ела?
 И неизвестно, где паперть, алтарь и клирос,
 Бог — это хор, полумрак и священник в рясе
 Или когда босиком по асфальту летом?

Если исследуешь архитектуру храмов,
 Как отыскать Его в каменных белых стенах?

Родословная

Было ли поле,
 Лихой галоп,
 Сон на сухой траве?
 Дедушка курит.
 Чуть выше стоп
 Шишки раздутых вен.

Есть родословная: род из слов.
 Как бы Слова сберечь?
 Прежде — весомые, да снесло
 Время живую речь.

Время не даст сквозь себя прыжок.
 Нам — что Мстислав, что Ной.
 Дедушкин брат воевал. Ожог
 Он называл спиной.

Только заходят под вечер в дом,
Не отворив ворот,
Те, кто, живя в чёрно-белых «до»,
Нас защищают «от».

Памяти Егора Летова

У Егора тулуп да прибитый куплет к столбу,
Раскалённая печь да смолистая связка дров.
Безымянное время наполнит его избу,
Безымянная речка наполнит его ведро.

У Егора — стихи, а повсюду — таёжный лес,
И скрипит синим снегом под валенками Сибирь.
Так уходят скитальцы, к груди прижимая крест,
Заменяя промышленный хаос на монастырь.

Так уходит уставший пластмассу ломать дикарь
После вечной весны несмолкающих оборон.
И теперь у него есть пристанище и декабрь
Да река, до краев наполняющая ведро.

Зимой внезапно вспомнишь крики чаек
И как волною ласково качает
На горизонте лодки рыбаков.
И снимешь шлёпки, чтобы босиком
По шишкам, мать-и-мачехе, ракушкам
Под тенью сосен к морю от избушки,
И на сгорающую спину — детский крем.

Сугробами в бесцветном декабре
Бредём туда, недель не различая,
За солью на губах, за криком чаек,
Сплетя июльский берег в оберег.

Припекает июльским солнцем
По-февральски седые пряди.
На скамейке, косою и старой,
Славно дышится на заре.
Мне, Анюта, легко живётся
При таком-то простом укладе:
Выпью чая из самовара
Да пошабраюсь во дворе.
Иногда приберу по дому,
Приготовлю в кастрюльке кашу,
Только съем половину, Анна.
Больно много, когда один.
Вытру тряпочкой пыль с альбома,
Посмотрю фотоснимки наши,
Мы ли это, Анюта? Странно.
Как мы молоды, погляди!..
А под вечер в ушах всё звонче
Смех из кухни, шкворчанье масла,
Будто снова печёшь оладьи,
Напевая себе под нос.
Я шепчу у иконы: «Отче,
Я был так невозможно счастлив!
Поскорее бы, Бога ради,
Мне простилось и отжилось...»